

До сегодняшнего дня нам неизвестны ни подлинные размеры сталинских репрессий, ни их реальные последствия — политические, социальные, генетические. Есть опасения, что истребление цвет народа во всех областях человеческого созидания — от художественного творчества до земледелия, от политического руководства до военной службы — это катастрофа, последствиями которой стали невосполнимые потери. Есть надежда на раскрепощающую ныне общественную мысль, которая, как хочется верить, сможет дать и уже дает реальные залюги возрождения. В любом случае Мемориалу памяти жертв сталинизма суждено стать одним из ключевых, рубежных символов нашей истории и культуры.

С самого начала именно театры стали опорными пунктами борьбы за мемориал, за утверждение его идеи в общественном сознании. Мы, люди театра, можем говорить об этом с чувством гордости — не за себя, но за свое дело. Роль, которую сыграл и продолжает играть театр, определена им самим способом существования, самими целями искусства. Объединяя людей в акте сотворчества, театр уне тем самым противостоял насаждаемому лгу и неправде. Говорил ли он о наступном или о печном, пользовался ли «заповедным языком» или стремился к прямолинейности, но он дарил людям минуты истинного единения, истинного общения, не подвластного ни государственному террору, ни растлевающей казенщины. Революционное обновление, начавшееся в 1985 году, само по себе свидетельствует, что оно, конечно, выжест представления о правде и чести не удалось ни в искусстве, ни в партийном руководстве, ни в самом народном сознании.

ПАМЯТИ ЖЕРТВ

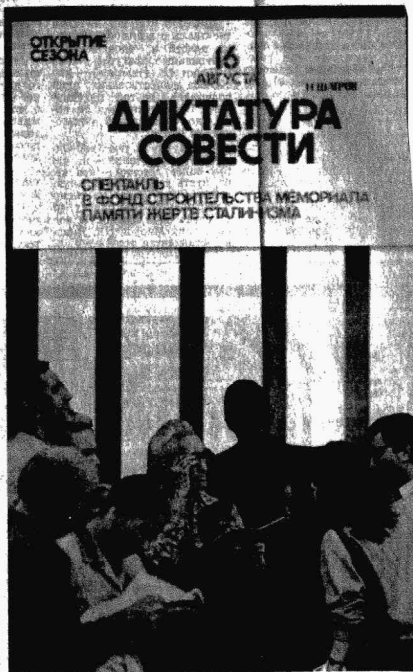
Мы говорим, что театр продолжает бороться за идею мемориала на из одной уверенности в том, что инициатива Театра имени Ленинского комсомола будет поддержана театрами страны и Союзом театральных деятелей. Сбор средств на строительство лишь начал, сами возведения мемориала еще не выбрано, контуры его пока не ясны, но уже сейчас очевидно: создание Мемориала памяти жертв сталинизма не может, не имеет права быть единовременной акцией. Возвести монумент, пусть самый прекрасный, в этом ограничиться, создать себе иллюзию «подвешенной черты», окончательно восстановленной исторической справедливости было бы безразлично и попросту неумно. Мемориал должен стать не только напоминанием об исторической трагедии, но и инструментом исторического самопознания.

Должны быть собраны, найдены, восстановлены сведения о всех людях, погибших в сталинских репрессиях и востесах. Это дело отомного труда, сопоставимое с поисками погибших и пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной. Надо думать, что оно может быть выполнено в ближайшие годы, но ставить задачу необходимо сейчас же. Должны быть сохранены зримая память о преступлении сталинизма — в городах страны и в местах массового уничтожения людей неосбытом, развалинах лагерей, тюрьмах. Необходимо поднять их разрушен и служебные допросы эпохи сталинизма, спокойно лежащие с тех пор, как они сделали свое грязное дело, — мы можем восстановить их служить делу светлосту, делу восстановления правды. Поняв, что подневольность не означает полной невинности, необходимо тем не менее отделить вынужденных исполнителей алого умысла от палачей по призыванию. В сознании общества должна утвердиться мысль о моральной — если не уголовной — ответственности за все созидательные преступления, совершенные в годы сталинизма. Мы не имеем права не знать фамилии профессиональных дознавателей и убийц, тех, кто катывался над революционными ленинскими гвардиями, тех, кто вычеркнул из жизни и пытался вычеркнуть из народной памяти лучших сынов народа. Пона что соотносился в печать имени сталинских палачей числятся единицами. Не названо даже число лиц, привлеченных в период между XX и XXII съездом КПСС к уголовной ответственности и саятых с работы в органах государственности за преступные оговоры и пытки невинных людей. Страна, которая не знает своих мучителей, так же несчастна, как страна, которая не помнит своих героев.

Нужно хоти бы вчера представить себе круг нравственных и исторических проблем, вставших перед обществом, решившимся на создание подобного мемориала. При сегодняшнем уровне исторического самосознания проблемы эти решены быть не могут. Возможно, они и в принципе не имеют однозначного решения, но тем не менее мы не вправе уклоняться от их постановки.

С чувством моральной растерянности мы вынуждены понять, что, приняв ослепительное участие в сборе средств на строительство мемориала, мы далеки от ответа на главный вопрос: чью память мы хотим и должны помнить? Простой и вестительский ответ — память мучеников сталинских лагерей и тех, кем — заведомо неопол — жертвы голода 30-х годов? А родственники осужденных, сходящие с ума от неизвестности и страха, люди, покорившиеся с собой из-за невозможности жить и заниматься своим делом среди разгута репрессий? А солдаты, полковники, свои жизни во искупление минимальных подорожных стратегических ошибок генералиссимуса? Наконец, те, кто жалелся сказать правду о сталинизме уже после смерти Сталина, те, кого за эту правду шельмовали и

16 августа Московский театр имени Ленинского комсомола открыл новый сезон спектаклем «Диктатура совести». По инициативе режиссера Марка Захарова и автора пьесы Михаила Шатрова, безоговорочно поддержанной театром, весь сбор со спектакля переводится на счет № 700454 — в фонд строительства Мемориала памяти жертв сталинизма.

преследовали как уголовных преступников, — разве они не жертвы сталинизма? К миллионам прямых жертв ГУЛАГА добавляются новые и новые миллионы — ведь ли нам позволительно удовлетвориться «простым ответом».

Но даже если мы и удовлетворимся им — как началом, — как первым приближением к истине, — перед нами встанут вопросы не менее драматичные.

Один из парадоксов тоталитаризма — то, что репрессивная власть обращена на самопожирание. К потокам народной крови она добавляет капли своей собственной и, до времени, становится от этого лишь крепче. Список погибших будет неполон, если мы забудем, к примеру, судьбу наркома Ежова и его личной гвардии. Но нравственно невозможно поставить в один ряд имя Ежова с именами жертв ежовщины.

Какой бы выбор мы ни сделали, он объясняет нас и следовательно выбору. Понятия инык: жертвы, палачи и преступления сливаются в исторической катастрофе воедино. Палачи становятся страдальцами, мученики оказываются причастны к преступлениям — причастны не тем, кто заложил аресты друзей и соседей, кто попустительствовал, кто молчал, кто скрывал правду от самих себя. Уничтоженные Сталиным революционеры ленинского призыва — вот ли их доля ответственности за то, что сталинизм пришел к власти? Какова эта доля? И где те веса, которыми можно измерить вину и жертву?

В идеале этии весами и должен стать Мемориал памяти жертв сталинизма. Само присутствие его в нашей жизни заставит поднимать все более сложные и мучительные вопросы, айти по дороге все более определенного нравственного и исторического выбора.

Было бы опасным легкомысленно считать сталинизм в созданную им коммуно-административную систему вычеркнутыми из исторической реальности. С ними — поверженными и ражением, но живучими, приращенными псевдоидеями, готовящимися к новым атакам — мы сталкиваемся повседневно, зачастую не давая себе в том отчета. Печальнейшим манифест «Не могу поступаться принципами» стала М. Малахова в журнале «Молодая гвардия» (№ 4, 1988 г.), проделуя механизмы истерияния, подчас бойцов — перестройки на числа делегатов XIX партийной конференции — косвенные тому подтверждения. А разве не ударом по гласности являются ограничения подписки на газеты и журналы? Сталинизм — не хронологическая данность, а образ политического мышления, закрепленный бюрократическим законодательством. Счет своим жертвам он открывает не в день прихода Сталина к власти, и со смертью Сталина этот счет не закрывается.

Гордость за сделанное народом не может существовать отдельно от понимания за сделанное с народом — иначе она рискует стать опасным самоодушевлением. Можно сказать, что в широком смысле слова жертвой сталинизма стал весь советский народ. Мемориал — это память о пережитом им трагедии и залог ее преодоления.

Марк ЗАХАРОВ, Михаил ШАТРОВ.